

принадлежности (а следовательно, и от благосостояния) его носителя. Насколько известно, у многих народов (во всяком случае у народов Кавказа, Крыма, а также и у русских) трудно было определить достаток семьи по костюму, так как считалось, что экономить на праздничной и выходной одежде, прежде всего женской, недопустимо – это роняло достоинство главы семейства в глазах общества. Исключение составляла только затрапезная одежда.

На наш взгляд, столь прекрасно иллюстрированное и основательно продуманное издание было бы более полным как исследование, если бы в нем специально был рассмотрен и выделен в самостоятельный раздел обрядовый костюм, который уже по своему предназначению невольно знаково иллюстрирует различные уходящие в древность обряды, вобравшие в себя многие стороны материальной культуры этноса. К досадному недочету относится и отсутствие перевода на русский язык терминов, обозначающих на татарском языке детали костюма, хотя на языке оригинала они везде приводятся, что, безусловно, очень важно. Дословный перевод и связанная с ним попытка объяснения этимологии термина всегда очень продуктивны и часто совершенно неожиданно помогают прояснить неизвестные ранее этнические и исторические связи между отдельными группами этноса, а также дают дополнительную возможность проследить и пути формирования всего народа.

В заключение отметим, что даже самые вездливые замечания по поводу недостатков работы не умаляют ее достоинств, поскольку вызваны только желанием увидеть столь фундаментальный труд еще более основательным.

Книга, безусловно, вносит значимый вклад не только в сферу исследований, непосредственно связанных с историей образования вариантов народного костюма татар, распространенных в рассматриваемом регионе. Представленный в ней материал дает ответы и на многие недоуменные вопросы, возникающие по мере изучения путей развития традиционного татарского костюма в целом. В определенной степени данный труд представляет собой одну из тех основ, на чьем фоне можно рассматривать проблемы реконструкции сложных этнических процессов, в которые был вовлечен народ на пути своего формирования.

Примечание

¹ *Суслова С.В.* Костюм астраханских татар (по материалам музейных коллекций) // Астраханские татары. Казань, 1992.

Л.И. Рославцева

© 2002 г., ЭО, № 2

Р.М. В а л е е в. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX– 20-е годы XX в.). Казань, 1998. 380 с.

Российская историческая наука пополнилась еще одним исследованием о казанском востоковедении. Однако надо сразу сказать, что история казанской востоковедной науки и прежде всего Казанского университета уже нашла свое отражение в отечественной историографии¹. Тем не менее до последнего времени основное внимание уделялось именно университетскому востоковедению² и деятельности отдельных ученых³. Что касается востоковедческих дисциплин в других научных и учебных заведениях Казани, то сведения об этом имелись главным образом в дореволюционной литературе. Всеобъемлющей же истории Казанской ориенталистики XIX – начала XX в. в русскоязычной научной литературе до сих пор не появлялось. И этот пробел заполняет монография Р.М. Валеева.

Рецензируемая работа делится на шесть больших глав. В первых двух рассматриваются общие вопросы историографии как всего российского востоковедения (гл. I), так и казанского его подразделения (гл. II). Центральное место занимают три последующие главы, в которых подробно излагается история зарождения, становления и развития востоковедческих исследований и преподавания востоковедческих дисциплин в Казани за более чем вековой период (с конца XVIII по начало XX в.). В последней, шестой главе излагается история попыток возрождения востоковедного образования в Казани в первые послереволюционные годы.

Первая половина XIX в. в истории отечественного востоковедения была временем становления этой отрасли науки. Именно тогда возникли основные центры высшего образования в России (университеты в Дерпте, Вильно, Казани, Харькове, несколько позже – в Петербурге). Университетским уставом 1804 г. во всех этих высших учебных заведениях предусматривалось создание кафедр восточных языков (восточной словесности). К середине XIX в. преподавание восточных языков сосредоточивалось в основном в двух университетах: в Петербурге⁴ и в Казани (в других местах оно имело спорадический характер и особого развития не получило⁵).

Особое место занимал Казанский университет, располагавшийся в одном из крупнейших городов Поволжья, – территории, населенной многими народами, говорящими главным образом на тюркских, финно-угорских и русском языках. Такое местонахождение ставило перед вновь образованным учебным заведением как практические, так и научные задачи. А это, в свою очередь, требовало всестороннего изучения особенностей культуры (в широком смысле слова) полиэтничного состава местного населения. Кроме того, Волга, на берегах которой находится Казань, издавна служила важнейшим транспортным путем, связывающим Россию со странами Ближнего и Среднего Востока, что также заставляло российские власти и общественность оперативно решать насущные задачи изучения языков и быта народов соседних стран.

Помимо этого, по мере развития международных отношений Россия постепенно завязывала связи не только с Передней Азией, но и с гораздо более отдаленными государствами, в частности с Монголией и Китаем (начало этого процесса относится еще к XVII–XVIII вв., но в первой половине XIX в. он получил новый импульс). Это также ставило перед молодой российской востоковедческой наукой непростые задачи подготовки специалистов в самых различных областях.

Р.М. Валеев на большом фактическом материале показывает, как постепенно формировались основные направления научной деятельности университета. Излагая 12 декабря 1814 г. на торжественном заседании «Общества любителей отечественной словесности» программу развития востоковедения в Казанском университете, проф. П. Кондырев подчеркивал: «Кроме общих предметов занятий мы имеем еще некоторые такие, кои ближе к нам по обстоятельствам и на кои можем иногда с пользою обращать внимание. Мы живем между многими иноплемennыми народами, в древнем татарском царстве, в виду бывшей болгарской столицы. Татары, чувашы, черемисы, мордва, вотяки, зыряне окружают нас. Армяне, персияне, башкиры, калмыки, бухарцы и китайцы ближе к нам, нежели к другим обществам. Мы удобнее можем иметь, касательно языка или словесности их, сношения и из одного делать употребление. Как полезно собирать различные песни их народов, сказания, записки, повести, книги, надписи и т.п. и все сие весьма ново»⁶. Таким образом, казанское востоковедение с первых шагов своего существования ставило перед собой задачи и этнографического изучения народов региона и их соседей, как мы сказали бы сегодня, используя методы полевой работы. Ставились задачи комплексной подготовки специалистов – знатоков языка, фольклора, культуры и быта изучаемых народов.

И с этими задачами Казанский университет справился. Именно в его стенах начинали свою научную деятельность будущие академики Х.Д. Френ и В.П. Васильев, будущий декан факультета восточных языков С.-Петербургского университета А.К. Казембек, именно отсюда отправлялись в первые в России научные командировки выпускники университета: в 1828–1833 гг. в Монголию и Китай О.М. Ковалевский и А.В. Попов, в 1842–1845 гг. на Ближний Восток И.Н. Березин и В.Ф. Диттель. Именно здесь были открыты первые в университетах России кафедры монгольской (1833 г.), китайской (1837 г.), армянской (1842 г.), калмыцкой (1846 г.) словесности и санскрита (1842 г.), именно здесь была защищена первая в России магистерская диссертация по монгольской словесности (В.П. Васильев, 1839 г.) и была присуждена первая в России степень доктора восточной словесности (С.И. Назарьянц, 1849 г.).

Деятельность упоминавшихся выше ученых, а также Ф.И. Эрдмана и И.Ф. Готвальда, Д.П. Сивиллова и И.П. Войцеховского, П.Я. Петрова и др. способствовала укреплению позиций российского востоковедения и закладывала фундамент для блистательного развития его во второй половине XIX – начале XX в.

В историографической литературе с той или иной степенью полноты раскрыта деятельность Казанского университета как крупного научного центра. В заслугу же Р.М. Валеева следует поставить то, что он убедительно показал: не только Казанский университет в первой половине XIX в. был средоточием востоковедческого образования в Казани. Восточные языки (в частности, татарский) преподавались и в Первой казанской гимназии (еще с конца 60-х годов XVIII в.), где работали представители учительской династии Хальфиных, а позже были введены курсы турецкого, арабского, персидского и монгольского языков, и в Казанской духовной академии (татарский, арабский, монгольский, калмыцкий). В этих учебных заведениях курсы вели многие преподаватели Казанского университета.

После того как в 1854 г. последовал Указ Николая I о переводе всего востоковедческого образования в Петербург, большинство преподавателей-востоковедов переехали в столицу и преподавание восточных языков в Казанском университете и в Первой казанской гимназии полностью прекратилось. Однако оно сохранялось в учебных планах Казанской духовной академии вплоть до ее закрытия в 1919–1920 гг. Важное место здесь занимала подготовка православных миссионеров для работы среди инородцев, прежде всего мусульман (развивалось исламоведение, связанное с именами таких ученых, как Г.С. Саблуков, М.А. Машанов, Е.А. Малов) и буддистов (калмыков). Как сообщает Р.М. Валеев, среди предметов, читаемых в Духовной академии, была и этнография восточных народов (Поволжье и Сибирь). Такого рода сведения, несомненно, представляют интерес для истории отечественной этнографии.

Руководство Духовной академии прекрасно понимало значение этнографии для подготовки будущих миссионеров. Как отмечал ректор академии, «изучение этнографии и истории наших инородцев должно быть в целях православно-христианских»⁷. Еще в мае 1905 г. по инициативе Совета Казанской духовной академии обсуждался вопрос об учреждении кафедры этнографии татар, киргизов, башкир, чувашей, черемисов, вотяков, мордвы и истории христианства.

Попытки возрождения востоковедческого образования в Казанском университете были предприняты во второй половине XIX – начале XX в. В нем преподавались языки народов Ближнего Востока, была открыта кафедра финно-угорских языков. Однако прежнего уровня развития востоковедения в Казанском университете уже не достигло.

Существенным вкладом в разработку истории науки представляются предпринятые автором монографии показ и анализ многогранной и плодотворной деятельности Общества истории, археологии и этнографии: оно функционировало при Казанском университете с 1867 по 1929 г. В исследовательской работе Общества участвовали такие известные ученые, как И.Н. Березин, Н.И. Ильминский, В.В. Радлов, В.Р. Розен, В.П. Васильев, Г.Н. Потанин, В.П. Наливкин, Н.П. Остроумов и др. Секретарем Общества был известный этнограф и лингвист Н.Ф. Катанов (с 1896 г.), возглавлявший его позже как председатель (1898–1914 гг.). Общество проделало громадную работу по изучению языка, словесности, культуры, быта и истории не только народов Поволжья, но и Средней Азии и Сибири, а также соседних зарубежных стран. Общество имело свой печатный орган – «Известия Общества истории, археологии и этнографии» (1878–1929 гг.). Члены Общества участвовали в работе различных научных форумов в России и за рубежом (например, в 1877 г. – в подготовке и проведении IV (Казанского) Археологического съезда). В 1929 г. Общество прекратило свое существование, слившись с Обществом по изучению Татарстана.

Деятельность Общества по достоинству была высоко оценена в отечественной историографии. Так, известный петербургский тюрколог, исследователь творческого наследия Н.Ф. Катанова С.Н. Иванов отмечал: «Деятельность Общества оставила заметный след в развитии русского востоковедения и, что представляется особенно важным, явила собой пример сочетания передовых достижений русской востоковедной науки с той незаметной, но очень полезной работой, которую осуществляли лучшие представители русской провинциальной ориенталистики»⁸.

Как показывает автор, наряду с такими известными центрами, как вышеупомянутое Общество, в Казани существовали и другие научные объединения. В качестве примера он рассказывает о кратковременной, но плодотворной деятельности (октябрь 1917 – июль 1921 г.) Северо-Восточного этнографического и археологического института в Казани. В уставных документах института определялось: «Цель Северо-Восточного института – пойти навстречу давно назревшей необходимости и потребности в этнографическом, археологическом, археографическом исследовании Северо-Востока России и Сибири путем приготовления специалистов, способных разобраться в местных древностях, этнографии и объединение в своем составе всех содействующих изучению древностей Северо-Востока России»⁹.

Среди профессоров и преподавателей были такие выдающиеся этнографы, как Б.Ф. Адлер и Н.В. Никольский, последовательно возглавлявшие его, а также Н.Ф. Катанов, Н.И. Ашмарин, С.Е. Малов, А.И. Емельянов и др. Читались такие курсы, как «История и этнография турецких племен», «История и этнография финно-угорских племен», общие курсы по арабской, персидской, монгольской, китайской, маньчжурской и японской словесности, включавшие в себя сведения по фольклору и этнографии, а также курсы по буддизму и исламоведению.

Автор стремится как можно полнее показать жизнь востоковедческих учреждений города. Так, он сумел по крупицам собрать материал и рассказать о деятельности Восточной академии, возникшей на основе Северо-Восточного Института несмотря на кратковременность ее существования. Уже в ноябре-декабре 1920 г. был разработан «Проект основных положений о Восточной академии», в котором

в частности определялось: «Существующий в г. Казани Сев(еро)-Вост(очный) Арх(еолого)-Этн(ографический) институт преобразуется в Восточную академию – ученое и высшее учебное заведение ТССР, имеющее целью всестороннее изучение Востока, распространение научных знаний о Востоке и подготовку культурных работников из народных масс восточных республик и областей»¹⁰.

В научные задачи Восточной академии входило изучение истории, этнографии, археологии, географии и языков Восточной России. академия состояла из четырех отделений: историко-археологического, этнографического, словесного (с разрядами турецко-татарской и финно-угорской словесности) и социально-экономического. В ней преподавали Б.Н. Вишневский (будущий заведующий отделом антропологии МАЭ АН СССР), М.Г. Худяков, З.З. Валидов, Г.С. Губайдуллин, Н.Ф. Катанов, С.Е. Малов и др. В 1922 г. Восточная академия вошла в состав нового учреждения – Восточного педагогического института.

Славная страница казанского востоковедения и этнографии – деятельность Научного общества татароведения (1923–1929 гг.), поставившего своей целью развитие краеведческих исследований. В 1925–1930 гг. издавался «Вестник Научного общества татароведения». В работе общества и его журнала участвовали М.Г. Худяков, Г.С. Губайдуллин, Н.И. Воробьев и др. Почетными его членами были акад. В.В. Бартольд и А.Н. Самойлович. Общество имело широкие международные связи (с Королевским азиатским обществом в Лондоне, с Обществом изучения Маньчжурского края в Харбине, с Римской археологической ассоциацией и др.).

Автору, несомненно, удалось показать, что и во второй половине XIX – начале XX в. Казань продолжала оставаться одним из ведущих, хотя и провинциальным центром отечественной науки. В этот период здесь работали такие крупные исследователи, как будущий академик В.В. Радлов, Н.И. Ильминский и И.Н. Холмогоров, Н.Ф. Катанов и С.Е. Малов, И.Н. Смирнов и М.Г. Худяков, И.А. Бодуэн де Куртене, М.П. Веске и др., оставившие заметный след в истории отечественного востоковедения, языкознания и этнографии.

Этнографы, помимо вышеупомянутых сведений по истории науки, найдут в рецензируемой монографии новые факты о казанском периоде деятельности В.В. Радлова, о командировании ученых в «этнографические экскурсии» (так тогда назывались экспедиции), об учреждении кафедры географии и этнографии на историко-филологическом факультете Казанского университета (1897–1899 гг.), о существовании при нем Музея отечествоведения, о сочинениях по этнографии (например, о труде И. Лопатина «Описание якутско-шаманского костюма») и о многом другом, свидетельствующем о развитии этнографической науки в Казани в XIX – начале XX в.

Рецензируемая работа построена на всеобъемлющем изучении имеющейся отечественной литературы. Но хочется подчеркнуть, что помимо печатных исследований автор монографии изучил фонды ряда казанских и петербургских архивов (Национальный архив Республики Татарстан, Национальная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского университета, Российский государственный исторический архив (С.-Петербург), Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Петербургский филиал Архива РАН, Архив востоковедов С.-Петербургского филиала Института востоковедения РАН), а число архивных дел, привлеченных им для работы над книгой, насчитывает сотни, что придает тем сведениям, которые представлены в книге, особую фундированность.

Опубликованный в качестве приложения список «Архивные материалы по истории Казанского востоковедения» имеет большое значение также и для казанской этнографии.

Хотелось бы высказать несколько конкретных замечаний. Хотя в работе убедительно и полно обрисованы истоки и развитие казанского востоковедения, включая этнографию, тем не менее оно представлено как бы в отрыве от состояния этой науки в целом по стране. В ряде случаев раскрываются инициалы не всех ученых, особенно это наглядно при упоминании фамилии Зеленин (с. 96, 351). К сожалению, в книге отсутствует указатель имен, что было бы крайне желательно в таком издании, изобилующем фамилиями ученых. В книге встречаются досадные опечатки, самая курьезная из которых – ссылка на газету «Советская Татария» от 2 ноября 1856 г. (с. 236, прим. 14). Порой хотелось бы получить более полные сведения о жизни и деятельности отдельных ученых, например, Я.Г. Калимы (с. 193), А.И. Артемьева (с. 176) и др.

В заключение скажем, что публикация рецензируемой книги представляет собой отрадное явление в историографии российской ориенталистики. Она заполняет определенное количество белых пятен, воскрешает забытые и полузабытые имена русских ученых, проливает свет на деятельность известных исследователей-востоковедов за полуторавековой период развития русского востоковедения, в том числе и по этнографии.

Примечания

¹ См., например: *Шофман А.С., Шамов Г.Ф.* Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 2. М., 1956. С. 418–448; Казанский центр востоковедения // История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990. С. 118–139.

² См.: *Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань, 1972; *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Л., 1972; *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950; *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977; *Шамов Г.Ф.* Санскритология в Казанском университете в первой половине XIX в. // Проблемы востоковедения. 1959. № 3. С. 117–122.

³ См., например: *Кононов А.Н.* Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974 (2-е изд. М., 1939); *Иванов С.Н.* Николай Федорович Катанов: очерк жизни и деятельности. 1862–1922. 2-е изд. М., 1973; Тюркологический сб. 1975. М., 1978 (Посвящен С.Е. Малову); *Шамов Г.Ф.* Научная деятельность О.М. Ковалевского в Казанском университете // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 2. С. 118–180; *Хохлов А.Н.* В.П. Васильев в Нижнем Новгороде и Казани // История и культура Китая. М., 1974. С. 28–70.

⁴ *Куликов А.М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1932.

⁵ История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990. С. 93–117.

⁶ *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е годы XX в.). Казань, 1998. С. 96.

⁷ Там же. С. 226.

⁸ *Иванов С.Н.* Указ. раб. С. 53.

⁹ *Валеев Р.М.* Указ. раб. С. 243.

¹⁰ Там же. С. 245.

В.Н. Кисляков, А.М. Решетов

© 2002 г., ЭО, № 2

Н.А. Бутинов. Народы Папуа–Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству). СПб., 2000. 384 с.

Рецензируемая книга вышла в свет летом 2000 г. – за полгода до кончины автора – и прозвучала как заключительный аккорд научного творчества этого замечательного ученого, одного из крупнейших отечественных исследователей истории первобытного общества.

В 1968 г. была издана книга Н.А. Бутинова «Папуасы Новой Гвинеи». Импульсом к написанию второй монографии о папуасах послужила личная встреча с ними в 1971 г. Встреча эта потрясла ученого: он воочию убедился в радикальных переменах, произошедших в папуасском обществе, которое в первой трети XX в. продолжало жить еще по законам каменного века, а спустя несколько десятилетий оказалось способным к созданию собственной государственности. Н.А. Бутинов так характеризует современное состояние новогвинейского общества: «Вряд ли на Земном шаре найдется другое такое государство, в котором наряду с 3 языками межплеменного общения (английским, пиджином и моту) было бы около 500 племенных языков, где наряду с банкнотами были бы в ходу раковинные деньги, где компьютер соседствовал бы с каменным топором, где самые современные лекарства были бы подчас бессильны перед черной магией, где колдовство серьезно мешало бы проведению экономических, социальных и культурных реформ» (с. 342).

Н.А. Бутинов задался целью изложить свою версию этнических, социально-экономических и политических процессов в Папуа–Новой Гвинее, вместившихся в период, обозначенный в подзаголовке книги: «От племенного строя к независимому государству».

Новая книга Н.А. Бутинова – не только продолжение и углубление разработки проблем традиционной социальной организации и культуры папуасов, предпринятой в первой монографии об этих народах, но и опирается на полевые наблюдения автора и других этнографов – участников комплексной экспедиции АН СССР на корабле «Дмитрий Менделеев» в Океанию, сделанные во время пребывания на Берегу Маклая в 1971 г. В ней учтены огромная информация и новые подходы к ее интерпретации, содержащиеся